

— Провожая меня на эту встречу, многие коллеги и друзья употребляли в ваш адрес столь милую вашему сердцу ненормативную лексику. Попросту говоря, грубо вас посылали... Хорошо ли вам живется, зная, что очень многие вас не любят и обзывают всякими нехорошими словами?

— Я испытываю от этого большое удовольствие. У меня боевой агрессивный темперамент. Мне было бы куда неспокойнее жить, если бы никто обо мне не вспоминал.

— А не считаете ли вы, что этот жуткий вал мата спровоцировали в том числе и вы, и Юз Алешковский, и несколько других писателей? У нас ведь, в отличие от других стран, вера в печатное слово огромна. И вот слова, за которые в принципе

время показано временем героев, военных, одетых в великолепную форму с золотыми погонами. Книгу встретили очень враждебно. Но по-иному. Иной враждебностью.

— Ну, журнал «Знамя» — это интеллигентское чтение... В своей знаменитой статье «Когда поднялся железный занавес» в «Литературной газете» Алла Латынина называет ваш роман «Это я — Эдичка» сплошным генитальным пейзажем. А когда вы приняли участие в полемике, то ни слова на это не возразили. Не означает ли это, что вы согласны с такой оценкой своего романа?

— Латынина дискутировала со мной непрофессионально. Поэтому я и не стал возражать. Но вам отвечу. Все лучшие книги последних 30—40 лет обвиняли приблизительно в том же. И еще раньше, во времена Лоуренса, в этом же обвиняли написанную в 1928 году книгу «Любовник леди Чаттерлей», абсолютно

— То есть было бы неправильно выводить вашего «Эдичку» из русской эротической литературы? И считать его специальной литературой, которую следует продавать в секс-шопах...

— Ни в коем случае! Я считаю, если бы сегодня жил такой рискованный писатель, как Достоевский, или наша национальная икона — Есенин, они бы писали моим языком. И кто-нибудь из них написал бы книгу «Это я — Эдичка».

— Видимо, дело в том, с какой целью написано произведение?

— Скорее, в том, есть талант — или его нет. Одному можно писать и генитальные пейзажи. А другой не имеет права писать ничего.

— Вернули ли вам гражданство?

— В конце прошлого года — через год

после того, как я об этом попросил. Когда правительство возвращало его целой группе эмигрантов третьей волны, Аксенову и другим, меня в списке почему-то не оказалось.

— Так, значит, теперь вы — гражданин. Но — чего?

— Я получил паспорт гражданина СССР. Так что я — гражданин несуществующего государства.

— Как и мы все... У вас в том ответе Алле Латыниной есть интересная фраза: «Возможно гениально понять происходящее на советской сцене из Нью-Йорка или Токио и остаться безнадежно слепым в Москве». Вы по-прежнему так считаете? Вот вы приехали на месяц. А навсегда — не собираетесь? Или наши трудности пугают?

— Я никогда не был избалован жизнью, поэтому бытовые трудности меня не пугают. Но я действительно считаю возможным понять происходящее здесь, находясь где угодно. Я ведь уехал отсюда, прожив здесь 30 лет, а не шестнадцатилетним мальчиком. И я знаю свой народ. И возможно, находиться здесь, и видеть, что происходит, — все же быть абсолютным болваном! Семь лет бездарной политики — свидетельство того, как можно не понимать свой народ. Но бездарны не только политики — бездарны и многие интеллигенты. Недавно в передаче «Без ретуши» выступал Святослав Федоров. Он продолжает утверждать, что экономика сплотит нации бывшего Союза в одну. Глупейшая идея! Надо, наконец, понять, что нации связывают эмоции. Нации — не бухгалтеры, которые во всех случаях подсчитывают. Они живут — или не живут друг с другом, часто по совершенно иррациональным причинам.

— В общем, если я правильно вас понял, сюда вы приезжаете за эмоциями, а в Париж едете за бытом?

— Совершенно неправильно. Впервые я здесь появился в 1989 году, как только

Москва. Колесо Колесов - 1991 - 20 февр.

Эдуард ЛИМОНОВ: «Я ищу банду, к которой мог бы примкнуть»

это стало возможным. Второй раз — в 1990-м. И каждый раз я знал, что с моими идеями здесь делать нечего. Сейчас же людям с моими идеями, кажется, найдется здесь работа. Произошло резкое опровержение общественного мнения. Сейчас я ищу банду, к какой я мог бы примкнуть. Раньше я называл себя советским националистом, сейчас я, поскольку «советский» потеряло смысл, российский националист. Но для меня это не кровь, не этнос. Наполовину украинец, наполовину русский, я считаю себя представителем российской цивилизации. Российский че-

ловек — это тот, кто считает себя россиянином. Российский национализм вынужден проснуться и встать, иначе просто не спастись. Другой идеи нет — наднациональная коммунистическая идеология рухнула.

— Так, может быть, прав Солженицын, обучающий нас из Вермонта, как же нам все-таки обустроить Россию?

— Я заметил интересную закономерность: если здесь согласны с позицией писателя, живущего там, никого не волнует, где он живет. Это касается не только Солженицына, но даже иногда и Зиновьева и других. Как только несогласны — сразу начинают говорить: какое

право он имеет, живя там, давать нам советы! Но советы во всем мире принято давать, не спрашивая, хотят этого или нет. Вот я как писатель просто навязываю свое мнение.

— При помощи какой книги на этот раз? Что новенького вы нам привезли?

— Последний по времени написания роман «Иностранец в родном городе», он недавно вышел на французском, а теперь готовится к выходу на русском языке — одновременно Омским издательством и журналом «Сибирские огни». Это, пышно говоря, история возвращения блудного сына на родину после двадцати лет отсутствия. Прообразом, и в том секрета нет, являюсь я. Потом должен выйти «Дневник неудачника» — его готовит издатель всех трех изданий романа «Это я — Эдичка» Александр Шаталов. Герой этой книги — такой шакал большого города.

— Кстати, как воспринял «Эдичку» та-мошний читатель? Вряд ли ему близка психология несчастного, мечущегося совка...

— Книгу ведь можно читать по-разному. Реакция читателя в том, покупает он книгу или нет. Реакция критики — дело другое. В Европе эту книгу восприняли как встречу европейца с Америкой. Поэтому она оказалась близка многим людям, испытавшим шок от встречи с американской культурой — или бескультурьем. Покойный Юрий Трифонов, как я знаю, говорил, что «Это я — Эдичка» — самый сильный роман об одиночестве, который он когда-либо читал. Я знаю старого французского коммуниста, которому нравилась эта книга. Потом я познакомился с одним графом — фанатом и гомосексуалистом, который так же ходил от нее в полном обожании.

— Да, но вот вы сказали, что критерий читательского успеха — то, как покупают книгу. По-моему, вы, как никто другой, должны знать, что там покупают то, что лучше всего разрекламировано, а вовсе не то, что хорошо.

— Это верно. Но существуют различные группы читателей. Да и у вас сейчас очень дифференцированный рынок книг. Вот тут кто-то недавно написал, что мои книги покупают домашние хозяйки. Это не так. Меня покупает и читает та же публика, что смотрит фильмы Пазолини. Я — писатель антиистеблишмента. И именно поэтому моя книга была сначала отвергнута всеми лучшими издательствами Америки.

— Шестнадцать лет назад все в том же «Эдичке» вы написали: «Я с удовольствием втянул носом воздух, Пахло тревогой. Пахло хорошо». Не этот ли запах трезвости, хороший, по вашему тогдашнему мнению, привел вас сюда сегодня?

— Конечно. Ради этого я ездил и в Югославию. Я подумал тогда: боже мой! Первая война в Европе! Мне обязательно надо туда! Но там я все равно был гостем. А здесь я — свой. Здесь предстоит извержение вулкана. Завтра, послезавтра, через месяц. И это великолепно. Я бы себе никогда не простил, если бы упустил такой шанс.